

УДК 811.161.1.42

ПЕРЦЕПТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГОЛОСА В ГЕНДЕРНОМ ПЛАНЕ

канд. филол. наук, доц. М.Д. ПУТРОВА
(Полоцкий государственный университет)

Интерпретированы результаты перцептивного исследования текстообразующей функции голоса. Показана его роль в преодолении логической и формальной разобщенности единиц устного текста и объединении их в целостное образование. Постулирована значимость гендерной информации, передаваемой голосом как в плане указания на конкретные значения языковых единиц, так и на те фоновые знания, которые следует привлечь для интерпретации текста.

Обычно, описывая роль звуковой субстанции, исследователи отмечают значимость особенностей произношения, анализируют характеристики звуков и интонации, особое внимание уделяя мелодии, темпу, акцентуации, иногда ритму. Но звуковые явления имеют еще один важный параметр, который лежит в основе всех звуковых и тональных модификаций в речи и дает нам возможность определить в соответствии с нашими фоновыми знаниями, кто именно говорит, как только мы услышим речь коммуниканта. Таким наиболее общим конституэнтном звуковой субстанции в устной коммуникации является голос. Его свойства составляют тот более или менее постоянный фон, который присутствует во всех актах речевого поведения.

Устная речь в известном смысле начинается с голоса. Его звуковая субстанция является той средой, в которой воплощается и из которой строится речь. Долгое время данной материальной субстанции речи не уделялось внимания. В соответствии с идущим еще от Ф. Соссюра убеждением считалось, что, как таковое, речевое поведение в конкретной ситуации не представляет собой предмет первостепенной важности для лингвиста. Последний стремится сделать выводы, которые бы соотносились не с речью и нюансами коммуникативного поведения индивида в каждом конкретном случае, а с языком вообще. В результате голос как главный индикатор конкретной личности, ее неповторимости и важнейший фактор фонетической вариативности ускользал из объекта анализа.

Выполненные в последние десятилетия исследования, однако, указывают на то, что голос - не просто матрица, на которую накладывается или из которой строится определенная иерархия значимых единиц и которая может иметь только индивидуальные различия, не существенные для основных инвариантных величин. Не пытайтесь умалить значимость изучения специфических, присущих только данному говорящему голосовых характеристик, следует отметить также, что в голосе, оказывается, могут проявляться и достаточно общие черты, свойственные определенной культуре, социуму, некоторой группе людей [1, с. 95 - 108].

Различия между мужским и женским голосом очевидны. Они относятся к наиболее маркированным языковым признакам, отличающим биологический пол, что обусловлено, прежде всего, определенными физиологическими характеристиками, в частности тем, что внутренние края голосовых связок обычно имеют 17 - 22 мм длины у мужчин и 11 - 16 мм у женщин.

Тендер и биологический пол, однако, понятия не вполне совместимые. Первый предполагает также определенный социальный опыт, соответствующее воспитание и социальную роль в обществе. Возникает вопрос: исчерпываются ли различия в голосе только биологическим фактором, или среди них есть такие, которые соотносятся с более широким понятием тендера? Достаточно ли сформировать голос в соответствии с определенными показателями частоты основного тона и интенсивности, чтобы он мог стать полноценной материальной субстанцией, адекватной мужской или женской устной речи в конкретных актах коммуникативного поведения?

Наша гипотеза состоит в том, что голос может быть носителем не только различий по биологическому полу, но и некоторых гендерных характеристик. Иными словами, мы полагаем, что гендер может отличаться некими свойствами голоса помимо его физиологически обусловленных черт, которые в совокупности с другими факторами позволяют придать определенную специфику, тендерный колорит устным высказываниям коммуникантов.

Материалом исследования послужили тексты аутентичного коммуникативного поведения на четырех языках: белорусском, русском, английском и американском. Непосредственным объектом рассмотрения явилась текстообразующая роль голоса, то есть его способность объединять единицы устной речи в целостное образование - текст.

Проблема связи между конституирующими текст единицами и внутри их продолжает оставаться весьма актуальной для разных направлений текстового анализа. Рассматривая данную проблему, лингвисты чаще всего указывают на разнообразные языковые средства, которые соединяют отдельные единицы в определенную целостность, или на взаимопроникновение и взаимообусловленность смыслов, объединяющих определенные поведенческие фрагменты в ту или иную контекстуальность. Вместе с тем,

размышляя над вопросом о том, как определенные культурные знания объединяют смыслы, вербальные и невербальные реакции в некий устный текст, правомерно обратить внимание не только на очевидные традиционные языковые знаки, репрезентирующие или символизирующие данные знания. На наш взгляд, одним из мощных обозначателей опыта эпохи, совокупности существующих в ней эпистемологических пространств, общих правил интерпретации явлений жизни природы и общества, гендерных стратификаций в том числе, является голос.

Текст, согласно общепринятому взгляду на его сущность, представляет собой нечто большее, чем составляющие его единицы. Он есть определенная целостная совокупность смыслов, организованная в один новый, главный, верховный смысл, непосредственным образом связанный с другими текстами, объектами и субъектами окружающего экстралингвистического мира. Для лингвиста важно показать, как названная организация, указание на нечто в пределах собственных границ или вне их осуществляется лингвистически, с помощью языковых средств. Ведь, помимо совокупности скоординированных смыслов, порождающих всю систему общего содержания, его денотативных и коннотационных смыслов, текст всегда есть определенная языковая система связей и взаимоотношений.

Разрозненные, ничем не связанные единицы языка не образуют текст. Сущность текста, его текстуальность проявляется, помимо всего прочего, в разнообразии выраженной когерентности, языковой целостности [2, с. 48]. Последняя рассматривается с учетом потенциала всех средств языковой системы. Не учтенными, на наш взгляд, оказались только возможности голоса, его текстообразующая роль. Последний, то есть голос, воспринимается главным образом как материальная субстанция существования языка. Правда, признается возможность значительного разнообразия идеалектных характеристик данной субстанции, которые обычно интерпретируются как индивидуальные качества голоса, несущественные в плане текстообразующих перспектив и потребностей. Такое толкование возможностей голоса представляется проблематичным, хотя и согласуется с упомянутым идущим от Ф. Соссюра убеждением, что, как таковая, речь, ее конкретные характеристики в каждой отдельной ситуации общения не являются перво-степенно важной для лингвистики.

Появившиеся в последние десятилетия исследования указывают на то, что голос - не просто матрица, на которую накладывается или из которой строится определенное взаимодействие значимых единиц и которая может иметь только индивидуальные различия, несущественные для основных инвариантных величин [3, с. 3 - 8]. Не умаляя значимости изучения специфических, присущих данному коммуниканту голосовых характеристик, следует отметить, что голос может иметь и другие, более общие функции, значимые для организации текста.

Задачей настоящей работы было установить, участвует ли голос, материальная субстанция языка, в сотворении целостности текста. При этом текст понимается нами не только как некая стационарная, застывшая, законченная данность; он видится как процесс, некий объект действий, который в дальнейшем может стать инструментом последующих, новых действий. Нашей задачей было установить роль голоса в процессе выполнения самых разных действий по созданию текста. Наша гипотеза состояла в том, что если голос всего лишь индифферентный медиум, некий материал, в котором существует текст, тогда замена его на любой другой не повлияет на сущностные характеристики текста, его смысловые или языковые черты (подобно размеру шрифта или цвету типографской краски). Если же у голоса, материальной субстанции аутентичных устных текстов, есть еще и другая роль, помимо чисто формальной, в организации текстового действия, тогда она должна проявиться при заменах или вкраплениях другого голоса.

Материалом исследования явились две группы текстов. Первую из них составили аутентичные тексты, весьма схожие по своему вербальному составу, но отличающиеся по голосам, в которых они реализованы. Другую - набор так называемых разрозненных высказываний, произнесенных как один текст. Подбор данных высказываний оказался весьма непростым занятием. Выхваченные наугад из разных контекстов, они зачастую начинали создавать некий новый текст причудливого содержания, если располагались последовательно одно за другим, как в настоящем тексте. Поэтому выбирались максимально не соотносимые фразы, и было составлено несколько наборов таких высказываний. Например:

«Встреча с лучшими в мире. Суд наклейку не реабилитировал. Методика В. Санюкевича разработана для детей и молодых людей до 35 лет. Уже давно утвердилось мнение, что они самый консервативный слой. Цена билетов от 10 до 15 тысяч».

«Liza Minelli and her new husband David Gest have been subjected to a terrifying robbery. Passengers would be transmitted to buses. The Pope said the reputation of the Church and of innocent priests worldwide had been stained. It suggests that teachers would spend all their time in the classroom.»

«У кухні каля грубкі стаяла бабка, а на зэдліку пры стале сядзела яе сяброўка Насця. Па дарозе ў Нясвіж растуць, абняўшыся, два дрэвы. Былі памылкі. Жартаўнік агенчык гэты. Усе будзе добра. Тады у нас, бачыш, хаты яшчэ не было».

Написанные в столбик друг за другом данные, выхваченные каждое из своего контекста, высказывания, не воспринимались как текст. Тем более что, помимо разобщенности, они инкорпорировали не сочетаемые смыслы. Так, соотнесение словосочетаний «молодые люди» и «самый консервативный слой» явно противоречит многовековому опыту человечества. Произнесенные одним коммуникантом непосредственно друг за другом и таким образом реализованные в одном голосе, они по-прежнему были нереально и концептуально не соотносимыми. Вместе с тем ни один информант не считал нужным идентифицировать каждый из них как нетекст, хотя все информанты отметили малопонятность прослушанных фрагментов. Многие запрашивали данные о контексте, о говорящих, пытались конкретизировать цель и причины такого говорения. 33 % информантов сделали предположение о возможных пропусках в тексте. Сомнений же в том, что манифестированные в одном голосе высказывания могут быть нетекстом, не высказал никто. Более того, некоторые из них представили ситуации, рассказы или объяснения, восстанавливающие фоновые события и делающие обозначенную последовательность смыслов естественной.

Реализация каждого из приведенных наборов высказываний в двух голосах ситуации не изменила. Полученные в результате диалоги оказались более легкими для восприятия: 60 % информантов достаточно быстро «восстановили» те контексты, в которых могли бы существовать диалоги с обозначенными репликами. И только манифестация каждого высказывания в новом голосе существенно повлияла на их совокупное восприятие как нетекста; 70 % информантов однозначно интерпретировали такую реализацию последовательности случайно оказавшихся соположенными фраз как нетекст; 30 % оказались в затруднении и не пришли к определенному мнению; 10 % считали, что, возможно, предъявляемый на слух разноголосый набор высказываний является неким специфическим текстом, например, текстом-памяткой, объявлением, анонсом или фрагментом полилога, зафиксировавшим мнение многих коммуникантов о недостаточно ясно очерченном событии.

На наш взгляд, данный эксперимент показал, что единство голоса, само по себе, является значимым текстообразующим фактором, способным преодолеть смысловую и вербальную разобщенность конституэнтов текста, направить слушателя на поиск необходимых фоновых знаний для расшифровки послания, что нередко имеет место в реальном коммуникативном поведении. Возьмем, к примеру, следующую аутентичную реплику, фрагмент реального общения:

«Мама! Витька разбил посудину! В колодце том ничего нет. Я все перенес. Тетя Вера ничего знать не хо ... не хочет. Ух! Цыплятам очень жарко! Что дальше делать?»

В данной реплике составляющие ее фразы только отчасти соотносятся по смыслу и формально, то есть с помощью традиционно идентифицируемых средств связи. Между тем, адресат быстро обнаруживает между ними необходимую связь. Почему? Очевидным образом потому, что обладает так называемыми молчаливыми знаниями о контексте. Общий опыт помогает коммуникантам понимать друг друга и соединяет даже, казалось бы, лингвистически не соотнесенные высказывания. То, что не высказано вербально, оказывается не менее мощным текстообразующим фактором, чем сами языковые средства, что убедительно показывают многие исследователи текстуальности [4, с. 223 - 226]. Вместе с тем возникает вопрос, что является маркером опыта в тексте? Сигналом того, что коммуникант-реципиент должен выйти за текст, чтобы понять его смысл, объединив, казалось бы, разрозненные утверждения в целостное для слушателя сообщение, воспринимаемое всеми как текст? Наш эксперимент со случайно соположенными высказываниями показал, что таким маркером в аудиотексте и косвенно в других текстах выступает голос. Не случайно оказалось таким архисложным занятием разрушить реализованный в одном голосе текст. Что еще более справедливо не о случайно оказавшихся вместе разрозненных утверждениях, а об аутентичных текстах, где голос несет массу подробностей об эмоционально-чувственных нюансах конкретной ситуации. И хотя в нашем эксперименте с аутентичными текстами введение одного-двух голосов чаще всего просто превращало монолог в диалог или полилог, то допустить множество голосов или реализацию каждого высказывания в новом голосе оказалось возможным только, если специально сохранить общий просодический рисунок текста (то есть темп, ритм, характер фразовых завершений, уровень эмоциональности). И то до определенных количественных показателей текста. 5-7 голосов оказываются критическим числом, если каждую фразу представлять в новом голосе. Иначе в сознании информантов совершенно теряется ощущение реальности, подлинности текста. В нашем эксперименте пять голосов вместо одного или двух разрушали текст полностью в 75 % случаев, 7 - практически, всегда. Более того, четыре новых голоса оказались критической цифрой в почти 50 % случаев.

Единство голоса, таким образом, является знаком определенной целостности, объединяющей молчаливые и явленные смыслы в то, что именуется текстом. Хотелось бы обратить внимание на частотность данного явления. Общеизвестны выводы исследователей устной речи о ее несвязанности, подразумевающие отсутствие в ней традиционной лингвистической соотнесенности и логической последовательности классического печатного текста [5, с. 76 - 70]. Наши экспериментальные разрозненные фразы, таким образом, вовсе не такое уж умозрительное явление. Более того, если мы к единству голоса добав-

ляли разнообразные хезитационные явления, повторы, возвраты и самоперебивы, то есть, казалось бы, увеличивали хаос устного текста, то получали обратное: такие случайные фразы однозначно и легко идентифицировались как текст всеми информантами.

Наш анализ фрагментов несвязности позволяет заключить, что данный феномен имеет и гендерный параметр. Более подробное его описание, однако, требует специального рассмотрения. Сейчас же хотелось бы отметить важность голоса в идентификации тендера коммуниканта как такового. Какие бы тендерные особенности мы не обнаружили в тексте, видимо, в числе самых приоритетных из них следует считать голос, однозначно очерчивающий говорящего как представителя конкретного гендера. Последствия такого представления значимы в целом ряде планов. Прежде всего, очевидна гендерно-идентифицирующая роль голоса в развитии текста как такового, выборе адекватных коммуникативных действий для общения и привлечения тех смыслов молчаливого знания, которые позволяют семантически объединить разные высказывания в одно целое. Рассмотрим следующие фрагменты аутентичного поведения.

1. - *«Знакомься. Это мой друг Валера. Мой лучший друг. Правда. - Очень приятно».*
2. - *«Так. А это мой друг Валерий. Мой лучший друг».*

Пока мы не слышим конкретные голоса, они кажутся равнозначными по смыслу. Обратимся теперь к той информации, которую дает голос коммуникантов. В первом фрагменте молодой человек представляет своего друга сокурснику. Во втором - разведенная мать представляет приятелю сына своего друга на праздновании дня рождения сына. В обеих ситуациях действие происходит в кафе. Совершенно очевидно, что интерпретация отношений, подразумеваемых под словом «друг», будет существенно различной в зависимости от того, какой голос говорит о друге - мужской или женский. Количество и сущность догадок, которые должны сделать реципиенты в данных ситуациях для расшифровки слова «друг», никак не могут быть идентичными. Оказывается, что языковой знак «друг» может охватывать весьма широкий спектр смыслов, в том числе и гендерные нюансы. И приводится данный спектр в действие тендерным фактором, представленным, помимо всего прочего, различиями в голосе. Чтобы понять приведенные фрагменты, мы задаем себе разные вопросы. Кто такой Валерий или Валера? 1) Просто знакомый? 2) Однокашник, приятель? 3) Или некто, кто имеет те же интересы в жизни, что и представляющий его коммуникант? 4) Или любовник, покровитель, сожитель? 5) Может быть, просто человек, который оказывает помощь и содействие? Заметим, что догадки о том, является ли Валерий другом 1, 2, 3, 4 или 5, варьируют из-за изменения именно голоса или, иными словами, гендерной составляющей данной ситуации, что существенно определяет дальнейшее коммуникативное поведение говорящих.

Кстати, гендерные особенности прослеживались и в эксперименте по интерпретации разрозненных высказываний в одном голосе. Если это был женский голос, некоторые информанты объясняли специфику «текста» именно данным обстоятельством: «Типично женский текст!» или «Ну, женщины! Логика, как всегда, отсутствует». Если же голос был мужской, то отсутствие связей между компонентами текста усматривалось в умении мужчин «все сократить и убрать» или «так обобщить, чтоб непонятно было».

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что голос является действительно важным языковым феноменом. Прежде всего, он выступает как весомое средство объединения самых разнообразных фрагментов в устный текст. Кроме того, он существенно влияет на характер развертывания общения, сам процесс действий по созданию текста, ибо определенным образом направляет поиск пресуппозиций и догадок и побуждает к использованию имеющегося жизненного опыта для расшифровки посланий. В частности, голос - значимый сигнал гендерно-дистинктивных пресуппозиций. Так, если мы обратимся к текстам, фрагменты из которых приведены в примерах 1 и 2, то увидим, что последующее поведение в одном из них фокусируется именно на тендерных коннотациях. В результате речевые действия, совершенные после реализованного в женском голосе высказывания, оказываются соотносимыми только с одним из них.

- А. - *Взаимно. (Обращаясь к тому, кто обозначен именем Валера).*
 - *Радиотехник, думаю?*
 - *Почему?*
 - *Ну-у, раз друг Бориса ~ значит, радиотехник. Он, кроме радиотехники, ничего не видит и не знает.*
 - *А-а! Интересно! Между прочим, радиотехник.*
 - *Ну так вот! Я знаю!*
- Б. - *Очень приятно.*
 - *Очень приятно. (Другу) Опять новый член семьи, да? Я так понимаю*
 - *Ну-у! Ну что так сразу? Перестань.*

Даже не привлекая во внимание жесты, взгляды и дальнейшее вербальное поведение, совершенно очевидно, какое из представленных продолжений является реакцией на реализованное в женском голосе слово «друг», какое нет. Неслучайно, никто из информантов-аудиторов не считал возможным менять варианты развития событий. Голос для них оказался тем знаком, который подсказал и выбор нужного смысла и связал последующие части коммуникативного события с предыдущими.

Анализ аутентичного коммуникативного поведения показывает, насколько частотны случаи, когда выбор дальнейших действий коммуниканта зависит от информации о тендере, то есть, помимо всего прочего, от информации, передаваемой голосом. Вот только некоторые фрагменты из нашего экспериментального материала, полученного на основе записи реальных коммуникативных событий:

А. - *I am six feet tall. - Я метр восемьдесят ростом.*
- (сочувственно) *Oh, dear! - Бедняга!*

Б. - *I am six feet tall. - Я метр восемьдесят ростом.*
- *Oh!, Great! Good! - О о! Великолпно! Хорошо!*

Когда информантам было предложено определить ответные реплики на предъявляемые им на слух идентичные стимулы в примерах А и Б, никто из них не колебался в выборе. Единственное уточнение, которое потребовалось некоторым из них, состояло в установлении рода деятельности коммуникантки (пример А). В случае, если она занималась соответствующими видами спорта (баскетболом, например), ответной репликой на ее фразу-стимул, в соответствии с мнением информантов, в определенных ситуациях могла быть ответная реплика из примера Б: «О-о! Великолпно!» Реализованная в мужском голосе та же в вербальном отношении фраза-стимул однозначно соотносилась только с названной репликой (О-о!...).

Аналогичным образом выбирались реакции на вербально идентичный стимул в примерах В и Г:

В. - *Так, так, настой, я тут трошачю яё абцяшу, а тады паглядзім.*
- *Ты-ы? З сякерай!? А ці зможааш?*

Г. - *Слухай, а калі я яе яшчэ троху абцяшу? Га?*
- *Яшчэ? Ну-ну! Вось тут, тут трэба было б, так, так, так! Ом!*

Реализованный в женском голосе приведенный стимул (пример В) чаще всего сочетался с реакцией «Ты-ы!?!», в мужском (пример Г) - только с репликой «Яшчэ? Ну-ну!». Хотя две информантки посчитали ответную реакцию примера Г вполне сочетающейся и со стимулом в женском голосе, полагая, что работа с топором вполне может быть частью женского опыта.

Более однозначной была интерпретация следующих вариантов аутентичного разговора:

Д. - *Дык хто тут нянчыць маю дачушку увесь вечар будзе?*
- *Я!*
- *Як гэта? Што-о?*

Е. - *Так, а хто же маё дзіця даглядаць будзе? Хто асабіста?*
- *Я!*
- *Так! Давайце знаёміцца! Як вас завуць?*

Реализация ответной реплики «Я!» мужском голосе (пример Д) в разговоре клиента со служащим бюро по уходу за детьми вызвала, практически, идентичные интерпретации путей дальнейшего развития диалога. Все информанты как мужчины, так и женщины посчитали возможным сочетать реплику «Я!», манифестированную в мужском голосе, только с ответом-удивлением «Як гэта?». И нашли естественным ответ «Так! Давайце знаёміцца!», если «Я» было манифестировано в женском голосе.

Такая идентичность интерпретаций не представляется случайной. Пол, как известно, соотносится с биологическим аспектом смыслов мужчина/женщина. Тендер - с их социокультурным измерением. В последнем особое внимание заслуживают два момента, а именно, понятия тендерной идентичности и гендерной роли. Тендерная идентичность - это то, как личность ощущает или понимает, что значит быть мужчиной или женщиной. А гендерные роли - это тот набор правил, экспектаций, ожиданий, которые предусматривают определенные действия, формирующие соответствующий образ мыслей, ощущений, поведение в целом у представителей того или иного тендера [6, с. 338]. На наш взгляд, представленные в настоящей статье варианты интерпретации смысла реплик и коммуникативных актов связаны прежде всего со сформированными личным опытом знаниями о тендерных ролях и типах гендерной идентичности, допустимых в сопоставляемых культурах. С помощью голоса совершенно обычные слова начинают

реализовывать гендерно дистинктивные значения. Воистину, известный каламбур «Medium is the message» [7], то есть медиум или материя, в которой реализовано послание, и является самим посланием или, иными словами, послание, смысл - это не что иное, как та материальная форма, в которой оно, послание, представлено, достаточно точно фиксирует роль голоса в манифестации гендерного аспекта смысла реплик коммуникативного поведения.

Внимательный анализ текстов коммуникативного поведения показывает, насколько радикально ход общения направляется именно точными маркерами гендерной идентичности коммуниканта. Безусловно, внешний вид последнего, его реальное присутствие в коммуникативном действии в большинстве случаев достаточно и исчерпывающе обозначают его как представителя определенного гендера. Вместе с тем, голос - вовсе не периферийная характеристика. В пределах вербального континуума, особенно только при восприятии текста на слух, гендерная маркированность достигается прежде всего голосом, одновременно объединяющим отдельные высказывания в целостный текст и указывающим на гендерные стратификации его смысла. Последние оказываются далеко не второстепенными. Сосредоточив все усилия на выявлении «сексистских» элементов в языке, первые исследователи языковой репрезентации гендера совершенно просмотрели абсолютно очевидный и максимально информативный знак гендера, а именно: голос. Последний, кстати, в значительно большей и изощреннее мере, чем специально маркированные слова, может актуализировать сексистское миропонимание коммуниканта, если он действительно сформировался в духе предпочтения того или иного гендера. Вот только несколько дополнительных примеров глобальной классификации смыслов в тендерном плане на основе голоса говорящего. Так, фраза «I am a sweet talker» реализованная в женском голосе, несет несколько другие нюансы значения по сравнению с теми, которые подразумеваются в вербально идентичном высказывании, реализованном в мужском голосе, причем, даже если оба сопоставляемые высказывания окажутся идентичными по общему просодическому рисунку доброжелательного утверждения. Если женский голос в приведенном выше высказывании заявляет только мысль о том, что с обладательницей данного голоса приятно поговорить, то мужской вариант предполагает женскую манеру говорения у коммуниканта-мужчины, поэтому представление о его мужественности может, учитывая традиционные взгляды, оказаться в некоторой мере ущербным.

Рассмотрим еще несколько примеров:

3. *A: I fixed the door, dear.*
B: Did you? Great!
A: Yeah.
B: But but you should have done it a month ago.
4. *A: I finished painting the house.*
B: When will the garage be done?

Ознакомившись с данными фрагментами в письменном виде, информанты легко догадывались, кто из коммуникантов, *A* или *B*, являлись носителями мужского и, соответственно, женского голоса, то есть соотносили написанное со своими знаниями распределения ролей в обществе, в частности, в его приватной, частной сфере. Замена голосов, специально сделанная в экспериментальных целях, была для них полной неожиданностью и однозначно приводила к коррекции смысла интеракций, заставляла высказываться о личностях говорящих и делать предположения о существующих между ними отношениях. При этом заметными оказались культурные различия в интерпретациях информантов.

5. *Man: I see Jack isn 't with you, why didn 't he come?*
Woman: My car broke down before I could get to Jack's place and pick him up.
Man: Oh! I see!
6. Муж: Як жа мы будзем дабірацца?
Жена: Супакойцеся. У мяне машына. Я вас усіх адвязу.
Муж: От добра.
- 7– *Did he come ?*
– *No, my car acted up again.*
– *Starter?*
– *That spring was no good*
– *You 'll have to junk that heap.*
– *May be, but meanwhile how's Jack going to get here?*

- 8- *Чаго ж мы тут усе сядзім ? Трэба ехаць.*
 - *А як паедзем? Машына адказала.*
 - *Мо, зноў акумулятар.*
 - *Не, зноў нешта з (неразборчиво)*
 - *Эт, гора!*
 - *Ды ўжо не бядуй так! От пагляджу, што там, ды... мо і зраблю што-небудзь.*
 - *Так, зрабі, зрабі, каб толькі паехаць.*

Замена женских голосов на мужские, и наоборот, в большинстве случаев не привела к заметным изменениям в интерпретациях английских и американских информантов в эксперименте с приведенными фрагментами 5, 7. Белорусский же текст (6, 8), представленный в измененном варианте, вызвал целый ряд новых реакций - от полного недоверия или восприятия его в юмористическом ключе до весьма эмоциональных заключений о возможностях современных мужчин и женщин.

При внимательном рассмотрении всего массива записей аутентичного говорения оказалось, что тендерная отнесенность голоса проявляется в особенностях интерпретации смысла самых простейших фраз типа:

- «Зноў Ганна Васіля пабіла», или*
«Петька Михайловну побил», или
«That's the house I built»,
«Вы все от меня зависите»,
«Я тут усім галава»,
«It's raining, I'm coming in or I may catch a cold»,
«I didn't mean to kick him, my leg sort of slipped»,
«Кто здесь главный? Я!»,
«How do you like my cakes?»,
«His doggish devotion is disgusting»,
«Вось я табе голову адкручу за гэта»,
«Слухай, мне страшна, я баюся»,
«А хто вы тут усе такія без мяне? Я ўсяму ў гэтай хаце аснова, я!»,
«Как жаль, что его здесь нет!»,
«Я только ему во всем доверяю, только ему!»,
«Дык, значыць, ён не мог прыехаць, не мог! А то б, а то б тут быў, ён абяцаў»,
«Мне зноў ад Васіля ліст!»,
«Дзе ж грошы?»,
«Чаго зноў так позна? Гэта калі твая праца там скончылася?»

Особый случай среди примеров такого рода занимают реплики, смысл которых манифестирован с привлечением уменьшительно-ласкательных суффиксов. Оказалось, что в формальном говорении замена голоса в таких репликах весьма чревата появлением не предусмотренных интерпретаций, особенно в белорусской и русской культурах:

- «Гэта мой вам абяцанчак»,*
« У нашай машыне маторчык заўсюды спраўны»,
«Але ж зноў гэта сустрэчка нічым не скончылася»,
«І тады ўсе можна ў прыцэпчык скласці»,
«Так, але ж тэадалцік гэты вес мае, так ты яго не панясееш»,
«Але ж чагошачкі ен так зрабіў».

Формальная речь такого рода в мужском голосе вполне способна вызвать улыбку у всех информантов как мужчин, так и женщин. В женском голосе приведенные примеры воспринимаются нейтрально, как норма женского вербального поведения.

Весьма убедительным в плане исследования роли голоса представляется эксперимент, проведенный в одном из упомянутых частных подразделений услуг, организованном для оказания помощи родителям по уходу за детьми в течение их временного отсутствия. Мужской голос одного из участников эксперимента, по телефону объявляющий, что носитель данного голоса и есть та няня, которая явится присмотреть за малолетним ребенком и в лучшем виде справится со всеми возложенными на нее (то есть на него) обязанностями, настолько радикально повлиял на желающих воспользоваться услугами фирмы, что последняя решительно приостановила эксперимент ввиду резкого сокращения заявок.

Почему же истолкование смыслов, передаваемых голосом, оказалось столь неожиданным для всех участников эксперимента, весьма замороженных тем, что вербальные линии няни - мужчины и няни - женщины, действительно, являлись вполне соотносимыми, если не полностью идентичными? И каким об-

нности, действительно, являлись вполне соотносимыми, если не полностью идентичными? И каким образом голос оказался тем ключом, который подсказал реципиенту, как следует интерпретировать текст? Почему замена мужского голоса на женский, и наоборот, может привести к значимому изменению смысла всего высказывания?

На наш взгляд, ответ на данный вопрос можно получить, обратившись к некоторым известным теориям, в частности, к теории речевых действий и к теории знака. Речевые действия можно представить как средоточие или пересечение того, что в них сказано, явлено и того, что не сказано, но неизбежно присутствует в сознании коммуникантов. И так как любое речевое действие есть только видимая часть того айсберга, основу которого составляет несказанное, то мы всегда оказываемся в ситуации, когда любое действие (высказывание), по сути, сообщает больше, чем в нем явлено. Во всяком случае, больше, чем можно извлечь только из тех фактов языка, которые рассматриваются в строгой системе микролингвистики. Вербальный состав любого речевого действия (высказывания) допускает несколько, даже множество вероятных интерпретаций. Данное обстоятельство позволяет предположить, что контекстные ограничения, всевозможные языковые указатели и уточнения не только или не столько связывают текст, который и без того, как показывают результаты описанного нами эксперимента, достаточно прочно объединен голосом в одну целостность, сколько отсекают от всех возможных вариантов то, что уже было сказано. И голос в этом плане является одним из индикаторов реального смысла высказывания. Гадамер, как известно, утверждал, что действие говорения представляет собой символическое единство сказанного и несказанного [8, с. 106]. При этом сказанное состоит из трех компонентов и представляет собой:

- 1) непосредственно то, что говорится, обозначается жестами или любыми другими знаками в данном коммуникативном действии;
- 2) то, что уже было сказано, вербализовано, реализовано в любой системе именования и в момент говорения, совершения коммуникативного действия неизбежно присутствует в коммуникативном действии;
- 3) то, что еще будет сказано, донесено до другого участника общения, то есть определенная антиципация смыслов и речевых действий, которым еще только предстоит совершиться.

Таким образом, речевое действие можно представить себе как процесс построения высказывания в пределах его ретроспективного и ожидаемого, предполагаемого контекста, то есть в пределах коммуникативно уместных, воображаемых, только еще антиципируемых и уже находящихся в памяти коммуниканта высказываний. Несказанное представляет собой фон не обозначенных коммуникативными знаками, вербальными в том числе, пресуппозиций и импликаций, то есть то, что обычно создается сказанным, а также говорящим и слушающим на основе пережитого опыта.

Возникает вопрос: действительно ли у несказанного, образуемого опытом коммуниканта, нет никакого обозначающего, то есть никакого маркера, который и отсылает участников коммуникативного акта к какому-то прошлому опыту, определенному несказанному. На наш взгляд, результаты нашего эксперимента показали, что такими маркерами могут быть, в случае непосредственного общения, не только сами коммуниканты, их внешний вид, но и голос, в котором и реализуется все сказанное. В случае опосредованного общения (по телефону) или любого говорения, когда непосредственному восприятию доступен только голос, последний сосредоточивает все функции (то есть роль медиума и видимого физического лица), помогая слушателю найти те дискурсные, социально организованные знания, которые и помогают ему направить интерпретацию вербального, сказанного в соответствующее русло. Неслучайно существует представление, согласно которому язык есть риторический инструмент, который пользуется объективными формами и формальными объектами, чтобы выполнить необходимые для человеческого общества, мира действия и операции. Тогда описание языка привлекает в рамки анализа не только вербальный объект, но и культуру, социальные значения, ассоциированные с языком [9, с. 478].

Все науки, созданные человеком, возникли и сформировались на основе разделения, раздробления органичной целостности. И все утверждают, что дают исчерпывающее описание последней, подменяя, однако, полноценное целое, аутентичное холистическое единство аналитическими суммарностями, изученными отдельными областями целого, соединенными в некое сложное оперативное суммирующее общее [9, с. 487].

Не случайно голос как языковой феномен оказался за пределами такого описания. Включение его в пределы объекта анализа требует пересмотра прежних представлений о знаке. Прежде всего, стремления абстрагировать систему лингвистических знаков от контекстов, в которых они употребляются и трактовки их как независимых формальных сущностей, которые только потом, при описании их функционирования, нужно все-таки соотносить с миром с помощью определенной системы правил. Тем более что триадическая теория знака предполагает, что не только знак и маркируемый им объект или концепт важны для объяснения того, как создается значение, но и говорящий субъект. И хотя триадический, тройственный подход все-таки представляет собой значительный шаг вперед, по сравнению с диадным, который сводит проблему значения к отношениям между знаками и обозначаемыми им сущностями, он (то есть триадический подход) предполагает отдельное существование рассеченных, делимитированных

фрагментов или конституэнтов смысла. В то время как говорящий субъект непосредственно вносит в звучащий знак, его материальную форму, важнейшие сигналы о себе как социальной личности. Голос оказывается не только формой реализации знака, но и элементом этого знака; при этом созначения, которые реализуются с его помощью, могут быть самого разного свойства, например:

- объединяющими части в целое, создающими это живое целое;
- конкретизирующими, уточняющими его смысл в целом или значение отдельных фрагментов целого, соотнося его и их (целое и фрагменты) с теми дискурсами, которые сформировались в данном обществе и направляют коммуникативное поведение говорящего субъекта.

Важный для коммуниканта смысл не хранится только на уровне традиционно понимаемых знаков или их сочетаний. Последние никогда не появляются независимо от других составляющих говорения и вербального поведения. И, прежде всего, независимо от голоса и тех гендерно значимых смыслов, на которые он указывает.

Обобщая достаточно многочисленные примеры приведенного в данной статье свойства, которые нетрудно заметить в текстах аутентичного коммуникативного поведения, правомерно отметить, что голос - коммуникативно и лингвистически важный знак. Он 1) организует определенное количество речевых действий в один текст; 2) указывает на то, какие гендерно специфические значения языковых знаков следует использовать для интерпретации сказанного. Или, если привлечь теории деконструктивизма, модифицирует значение знака, деконструирует его общепринятый, очевидный смысл, меняет направление интерпретационного процесса.

Таким образом, трактуемый в настоящее время как определенная форма или материальная субстанция языка, голос оказывается первостепенно важным фактором текстуальности. Прежде всего, как репрезентант целостности текста, а также как эффективнейшее средство в дейктическом арсенале языка, определенным образом обозначающее и стратифицирующее опыт эпохи, указывающее на гендерные смыслы и созначения, которые имеют традиционные, нейтральные языковые единицы в контексте аутентичного коммуникативного поведения, Символизируемый голосом опыт гендерных стратификации оказывается непосредственным образом вовлеченным в текст, уточняя конкретный смысл составляющих его единиц и соотнося их друг с другом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Laver J. The Gift of Speech. -Edinburgh: Edinburgh University Press, 1991.
2. Gussenhoven C., Rietveld T. On the speaker-dependence of the perceived prominence of F0 peaks // Journal of Phonetics. - 1998. - Vol. 26. - P. 371 - 380.
3. Halliday M. A.K. and Hasan Ruquaiya. Language, Context and Text: Aspects of Language in a Social-Semiotic Perspective. - Oxford University Press, 1991.
4. Кравченко А.В. Естественнаучные аспекты семиозиса // Вопросы языкознания. - 2000. - № 1.
5. Brown G., Yule G. Discourse Analysis. - Cambridge University Press, 1979.
6. Halliday M. A.K. Spoken and Written Language. - Oxford University Press, 1992.
7. Santerock J.W. Children. - University of Texas at Dallas: Brown and Benchmark, 1995.
8. Cronbeck B.E. McLuhan as Rhetorical Theorist // Journal of Communication. - 1981. - Vol. 31. - P. 117-128.
9. Gadamer M.G. Philosophical Hermeneutics. Berkeley: University of California Press, 1976.
10. Tyler S. A. The Said and the Unsaid. New York: Academic Press, 1998.